Об Илье Муромце

Что издалеча-далеча, из чиста поля,
Что из славной матушки Золотой Орды
Подымается собака злой неверной пан —
Молодой Салтан сын Салтанович.
Собира̄т он войско великое,
Собира̄т собрание немалое:
Собира̄т сорок царей, сорок царевичей,
Собира̄т сорок королей, королевичей,
Подо всякого царя он, царевича,
Подо всякого короля, королевича,
Он силы — по сороку тысяч!
Выходили они на луги зеленые,
Выступали они на травы шелковые.
Тут садился Салтан на сыру землю,
Он писал ерлык скорописанный,
Отсылал ерлык да во Святую Русь
С послом со скорыим,
С седой ордой, с большой бородой.
Тут приходит посол скорый во Святую Русь,
Заходит в палаты княжевецкие,
Он кладет ярлыки на дубовый стол.
Тут подходит князь Владимир стольно-киевский
И берет ярлык, распечатывает,
Распечатывал, скоро прочитывал.
Прочитал ярлык — запечалился.
Говорит тут княжна Апраксея:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Уж ты что же так загорюнился,
Уж ты что же так запечалился?» —
«Уж ты гой еси, княжна Апраксея!
Уж и как же мне не горюниться,
Уж и как же мне не печалиться!
Подымается собака злой неверный пан,
Злой неверный пан — молодой Салтан.
Собира̄т он войско великое,

Собира̄т собранье немалое:
Собира̄т сорок царей, сорок царевичей,
Собира̄т сорок королей, королевичей,
По-за всякого царя он, царевича,
По-за всякого короля он, королевича
Он дает силы — по сороку тысяч!» —
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Не горюйся ты, не печалуйся, —
Быват, вышний Спас не оставит нас:
Богородица — об нас испецельница!
Сходи-ка во Божью церковь,
Сослужи-ка там честно большой молебен!»
Срядился князь Владимир стольно-киевский,
Пошел во Божью церковь,
Сослужил там честный большой молебен.
Из церкви-то он идет Божьей,
Навстречу ему — Илья Муромец.
Стретился — сам отпетился,
Сам отпетился, низко кланялся:
«Уж ты здравствуй, Владимир стольно-киевский!» —
«Уж ты здравствуй, Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович!» —
«Уж ты что ж да загорюнился,
Уж ты что ж да запечалился?» —
«Уж ты гой еси, Илья, Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович!
Уж и как мне не горюниться,
Уж и как мне не печалиться:
Издалеча-далека, из чиста поля,
То из славной матушки Золотой Орды
Подымается собака злой неверный пан,
Злой неверный пан — молодой Салтан сын Салтанович.
Собира̄т он войско великое,
Собира̄т собранье немалое:
Собира̄т сорок царей, сорок царевичей,
Собира̄т сорок королей, королевичей,
Подо всякого царя он, царевича,
Подо всякого короля, королевича
Он дает силы — по сорока тысяч!»

Илья Муромец ему говорит:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Не горюнься ты, не печалуйся:
Быват, вышний Спас не оставит нас,
Богородица об нас печальница!
Уж ты дай мне три русских богатыря:
Дай Олешеньку Поповича,
И Добрынюшку Никитича,
И Долгопологo Залешанина.
Поставь во чистое поле бел шатер,
Откажи там сорок бочек зелена вина,
Откажи там сорок бочек пива пьяного,
Откажи там сорок бочек меда сладкого!»
Собирались-сокоплялись русские богатыри
В чистое поле, в бел шатер,
Пили-жили всю ночку темную.
Наставает день светел, радостен —
Выходит Илья Муромец на улицу,
Смотрит по конскому побоищу:
Полотном земля-мать изгибается,
Где-ка от пару, пару лошадиного
Меркнет в небе светел месяц;
Яко от духу, духу человечьему
Померкнет в небеси солнце красное.
Зашел в бел шатер Илья-то Муромец:
«Уж ты гой еси, братья, вы товарищи,
Полноте спать, да пора вставать!
Я поеду дорожкой прямоезжею —
Поезжайте вы дорожками окольными.
Когда пробренчит моя палица железная —
Бей-ломите всю силу неверную!»
Чули, что проговорил, а не видали, когда уехал.

Приехал к Салтану в дом, который во главе-то воевал.

Привязал коня ко столбышку дубовому,
Ко колечку золоченому,
Зашел во палаты к Салтану.
Салтан сидит обедает:
«Есть у вас на Руси Илейка Муромец?

Много ли он хлеба ест?» —
«Он хлеба ест по коврижке,
А мяса ест по кусочку.
А пива пьет по братыньке!» —
«Ну а я, — говорит, — мяса ем по быку,
А хлеба ем по квашни!»

А он говорит: «Я самый и есть Илья-то Муромец! Ну-ка, пойдем с тобой, побратаемся!»

Ну, конями тут бились, мечами и саблями — не могут некоторый взять. Потом Илья Муромец
ухватлив был. Он ухватил булатный меч и срубил Салтану буйну голову! Пал Салтан на сыру
землю, только подрожала под ним. Илья Муромец скочил на коня и уехал.

Бились двенадцать дней и двенадцать ночей,
Не пиваючи, не едаючи,
Добрым коням здоху не даваючи.
Опять собирались-сокоплялись ко белу шатру,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к меду сладкому.
Пили-жили всю ночку темную.
Наставает день белый, радостный —
Выходит Илья Муромец на улицу,
Смотрит по коньскому побоищу:
Едет Салтанова мати на железной ступы,
Сама пестом прикалачивает,
Сама песту приговаривает:
«Кабы была я на конском побоище —
Не дала бы я Салтана в обидушку!
А был бы этот Илейка Муромец —
Я бы в грязь стоптала!»
(Тоже ведь сильна, богатырь тоже.)
Зашел в бел шатер и говорит:
«Уж вы гой еси, да братья-товарищи,
Уж вы полно спать, вам пора вставать!
Едет Салтанова мать на железной ступы,
Сама пестом приколачивает,
Сама песту приговаривает...

Кого, говорит, мне послать?
Послать мне Долгополого Залешанина —
Тот в полах запутался!
Послать Добрынюшку Микитича —
Тот силой не силен, дак напуском смел!»
Поехал Добрынюшка Микитич...

Она говорит: «Я не хочу с тобой драться! Посылай мне Илейку Муромца!»
Илья Муромец
скоро срядился, поехал — и ей сразу убил!

Опять бились двенадцать дней, двенадцать ночей —
Не пиваючи, не едаючи
И добрым коням здоху не даваючи.
Собирались-сокоплялись ко белу шатру,
К зелену вину, к пиву пьяному,
Пиву пьяному, меду сладкому.
Пили, пили всю ночьку темную.
Наставает день светел, радостен —
Выходит Илья Муромец на улицу,
Смотрит по конскому побоищу:
Едут два братьця, два Суздальца,
Два Суздальца, два Андреевича.
Говорят они речи несбыточные:
«Кабы был в землю столбышек —
Мы бы всю землю повернули!
Кабы этот Илейка Муромец —
Мы бы в грязь втоптали!»
Илья Муромец взошел в бел шатер:
«Уж вы гой еси, братья-товарищи,
Уж вам полно спать, да пора вставать!
Едут два братца, два Суздальца,
Два Суздальца, два Андреевича.
Говорят они речи несбыточны:
„Кабы был в земле столбышек —
Мы бы землю повернули!
Был бы этот Илейка Муромец —
Мы бы в грязь втоптали!”»
Опять двенадцать дней и двенадцать ночей бились —
Не пиваючи, не сидаючи,

Добрым коням здоху не даваючи.
Собирались-сокоплялись
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, пиву пьяному,
Пиву пьяному, меду сладкому,
Пили-жили всю ночку темную.
Наставает день белый, радостный —
Выходит Илья Муромец на улицу,
Смотрит по конскому побоищу:
Едет молодой Сокольничек,
Говорит он речи несбыточные:
«Ох и не был я на коньском побоище —
Не дал бы я Салтана в обидушку!
Был бы Илейка Муромец — я бы в грязь стоптал!» —
«Кого, — говорит, — посылать? Надь самому ехать!»
Бились всяким оружием — некото́рым не могут взять!
Потом схватились врукопашку.
Пал Илья Муромец на сыру землю —
Сел молодой Сокольницок на белую грудь,
Вынимает булатный нож
И хочет пороть латы княжевецкие
И вымать ретиво сердце.
Вот змолился Илья Муромец Николу Угоднику!
С боку на бок Илья поворотился,
С плеча на плечо Илья пошевелился —
Зъехал молоду Сокольничку на белу грудь.
Хочет пороть латы княжевецкие —
И видит на груди его крест.

Он признал: сын ему оказался. Не стал его убивать. «Поезжай, — говорит, — домой!»

Он приехал домой. Мать стречать вышла. Он ее и убил. «Пошто, — говорит, — спровадила
на войну, а отца мне не поведала!»

(Зап. С. И. Дмитриевой летом 1971 г.: д. Кельчем-гора Лешуконского р-на — от Шишовой Анны Васильевны, 81 года.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.